

**Этимологический комментарий к нескольким
славянским изоглоссам в труде А. А. Шахматова
«К истории звуков русского языка»**

Среди восточнославянских слов, привлеченных А. А. Шахматовым в исследовании «К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях» (СПб., 1903) для обоснования его взгляда на историю развития восточнославянской лексики, демонстрирующей полногласие, есть ряд таких, которые и сейчас, спустя сто с лишним лет, еще нуждаются в этимологическом освещении. Ученый не вдавался специально в детали их морфологии, поэтому представляется, что этимологический взгляд на структуру этих лексем поможет не только дополнительно аргументировать некоторые частные предположения А. А. Шахматова, но и внести ясность в исследование истории нескольких лексических гнезд, тем более что в позднейшей профильной литературе нет единства во мнениях об их генезисе.

1. Рус. диал. псков., осташк., соликам. *телепéнь* (р. п. – *телепня́*) ‘дородный ребенок’, влад. *тэлепень* ‘толстяк’, росл. *теляпень*, *тиляпень* ‘грузный, толстый человек’, *тэльпень* имеет параллели в блр. диал. *целепéнь* ‘неповоротливый толстяк; обрубок’ [Шахматов 1903: 97; Шахматов 1902: 358, 359, 361] и укр. *тэлепень* ‘неповоротливый, медлительный, медленно соображающий человек’, ст.-укр. *Телепня*, 1649 г. — антропоним [Реестр 1995: 37].

Насколько нам известно, впервые эти вост.-слав. формы были сопоставлены в упомянутой работе А. А. Шахматова, и, видимо, именно к ней восходит традиция объединять в одном ряду как родственные такие существительные и глаголы, как рус. *отелёпши* ‘толстяк, увалень’ и *телепáться* ‘болтаться, качаться’, укр. *телéпати* ‘трясти, болтать, тихо идти, пачкать’ и *тэлепéнь* ‘недотепа, увалень, тёпа’ [см., напр., Шахматов 1902: 360–361 и далее: Фасмер IV: 38–39; Топоров 1975: 10–14; ЕСУМ 5: 539]. В этимологической литературе более позднего времени наблюдается расширение этой группы внешне близких слов за счет их фонетических и словообразовательных вариантов, однако исследователи расходятся в одном принципиальном вопросе: идет ли речь о сохранении в славянском реликтов обширного и.-е. этимологического гнезда

(так см. у В. Н. Топорова, который возводил лексику с основой *телеп-* к и.-е. **telp-/*talp-* со значением емкости, полноты, заполнения пространства, возрастания, скученности, стесненности, ср. лит. *telpi* ‘помещаться’, ‘вмещаться’, лтш. *talpa* ‘пространство’ [Топоров 1975: 13]) или же о позднем образовании слов звукоподражательного, аффективного свойства [см.: Фасмер IV: 38–39; ЕСУМ 5: 539]?

Однако смысловая взаимообусловленность элементов указанно-го лексического гнезда, которая, как будто, не дает причин усомниться в их этимологическом тождестве¹, может оказаться мнимой. Понимается вероятность смещения в процессе этимологической процедуры элементов двух разнокоренных групп слов, чему немало способствовала их формальная близость. Не исключено также, что фонетическое сходство основ рус. *телепаться* ‘болтаться, качаться’ ~ *тэлепень* ‘толстяк’ и др. в сумме с представлением о неустойчивости, медлительности увальня, его раскачивании при ходьбе действительно привели к их вторичному сближению в вост.-слав. диалектной речи. Потому, как нам кажется, есть смысл присмотреться пристальнее к семантике единиц рассматриваемой лексической семьи.

По значению они четко распадаются на две группы (ниже материал дается по: [Шахматов 1902: 361; Фасмер IV: 38–39; ЕСУМ 5: 539; СРНГ 44: 5, 6]). К **первой** относятся приведенные выше рус. и блр. имена со знач. ‘толстяк’, ‘неповоротливый, неуклюжий человек’, а также рус. яросл. *тэлепень* ‘обрубок дерева, бревна; толстый тяжелый чурбан’, курск., мурман., новг. и др. ‘о здоровом, крепком, упитанном человеке’ и укр. *тэлепень* ‘увальень, тѣпа’. Ко второму — рус. *тэлепень* ‘кистень, ядро на цепи’, курск., орл., твер., влад. и др. ‘о ленивом человеке’, ‘о недалеком, неразвитом, бестолковом человеке’, ‘о ребенке, который любит, чтобы его качали на руках’, ‘о болтливом человеке’, ‘язык, било у колокола’, ‘шлепок, удар ладонью по задней части тела ниже спины’, укр. *тэлепень* ‘то, что болтается; пустомеля, болтун’, ‘дурак, недотепа’, ‘коса (волосы)’, диал. *телѣпка* ‘бессмысленный, пустой разговор’, *телѣнный* ‘говорливый, глупый’, *зателѣна* ‘неряха’. Семантика **второй** группы имен вполне объяснима с позиций их словообразовательной зависимости от соответствующих глаголов в духе ‘болтаться’, ‘свисать’ → ‘коса’, ‘ядро на цепи’, ‘язык

¹ Ср. трактовку В. Н. Топоровым принципа формирования семантики внутри рассматриваемой совокупности слов: ‘телепать(ся)’ → ‘неупорядоченное, разнонаправленное движение’ → ‘нечто, отличающееся большими размерами’ [Топоров 1975: 13]. Включая в одно этимологическое гнездо как вост.-слав. слова типа *тэлепень*, *телепаться*, так и *толпа*, (вместе с приведенной выше балт. лексикой), он признает, что ряд деталей их связи «остается не вполне понятным».

колокола’ (ср. рус. курск., ворон., смол. и др. *телепáться* ‘болтаться, мотаться, качаться (о веревке, поясе и т. п.)’, ‘свисать’, укр. диал. *ти-лѣпатися* ‘болтаться’ как производящие для существительных с указанными знач.), ‘болтать(ся)’ → ‘болтун’, ‘пустомеля’ (→ ‘глупец’), ‘бессмысленный разговор’ (ср. рус. смол. *телепáться* ‘заниматься болтовней, пустословить’, брян. *языком телепáть* ‘болтать, пустословить’, укр. диал. *телѣпкати* ‘говорить глупости’, от которых образованы названия болтуна, недалекого человека¹, пустого разговора), ‘медленно передвигаться’ → ‘лентяй’ (рус. брян., дон. *телепáть* ‘медленно ходить, едва передвигаться’, блр. *целѣпаць* ‘идти’, укр. *телѣпати* ‘идти медленно, тяжело переставляя ноги; трясти’ ~ рус. диал. *те’лѣпень* ‘ленивый человек’), ‘пачкать’ → ‘неряха’ (укр. *телѣпати* ‘пачкать’, диал. ‘жадно есть’ и *зателѣпа* ‘неряха’), ‘качать’ → ‘капризный ребенок’ (рус. брян. *телепáть* ‘слегка шевелить, качать что-л. (о ветре)’ ~ пск., твер. *тѣлепень* ‘ребенок, который любит, чтобы его качали на руках’), ‘бить’ → ‘удар’ (рус. волог. *телепáться* ‘бить друг друга, драться’, укр. диал. *телѣпнути* ‘ударить; выпить’ ~ рус. пск., твер. *тѣлепѣнь* ‘шлепок, удар’).

Но не является установленным фактом, что значения первой группы обязательно производны от ‘ударить’ (и далее — ‘выпить’, ср. рус. разг. *врезать* перен. ‘то же’), ‘жадно есть’, ‘трясти’, ‘болтать(ся)’ ‘говорить глупости’, ‘медленно, тяжело идти’². Объективна лишь вероятность ассоциативного сближения, напр., семем ‘дурак’, ‘болтун’ с ‘увалень’ и установление логической связи между *телѣпати* ‘идти медленно’ и *тѣлепѣнь* ‘увалень’ на основе их материальной близости, что в итоге могло привести к сращиванию всех единиц двух разных этимологических гнезд.

Первое действительно представлено звукоподражательными глаголами³ и их дериватами (см. выше второй ряд имен и глаголов). В основе же второго этимон *tel-/*tyl-, имевший, судя по семантике рефлексов, значение ‘выпуклый предмет’ (→ ‘толстяк’, ‘увалень’). Элемент *-p-* име-

¹ Ср. еще значения ‘о бестолковом человеке’, ‘о несговорчивом, неуступчивом, непокладистом человеке’, ‘о беспутном, ветреном человеке’, отмеченные у бессуфф. рус. диал. *телѣпа*, *телѣпа* (волог., новг., территория Бурятии [СРНГ 43: 349]).

² Достоверный пример производности ‘увалень’ ← ‘медленно идти’, ‘медленно работать’ представлен словообразовательной парой из укр. диал. *мáмляти* ‘вяло работать’, ‘медленно идти’ и *мамліи* ‘увалень, ленивый человек’ [ЕСУМ 3: 376], где эта семантическая зависимость прозрачна и подтверждена самим характером модели.

³ Ср. еще варианты (в плане оформления исхода основы губными *-п-* : *-б-* : *-м-*) к *телепáть* ‘медленно идти’ рус. курск., орл. *телебить* ‘тихо, медленно идти’, 1850 г., новг. *телемáться* ‘быть неустойчивым, шататься’ [СРНГ 43: 342, 347].

ет функцию детерминатива наравне с другими звуками, ср. расширение ими варианта этого же корня с редуцированным вокализмом: *тыл-р-, отраженное в рус. диал. ряз. *толнѣга* ‘о толстом, упитанном человеке’, ‘глупый человек’, ‘толстуха’¹, подмоск. *толнѣшка* ‘пробка, втулка’, укр. диал. полт. *товнѣга* ‘ироническое название глупого, тупого мужчины’, (с другими суфф.) рус. диал. *телнеш*, *телпень* ‘сильный ребенок’, чеш. диал. *tělpatý* ‘толстый, сильный’ [Machek 1957: 525: соотносит с рус. *тѣлѣпень* ‘шар; неуклюжий ребенок’, определяя в итоге как неясное; подробнее о *тыл-р- см.: Илиади 2001: 87–88: с литературой; Илиади 2005: 70–71: с литературой]; *тыл-b-, засвидетельствованное в укр. диал. *тѣвба* ‘неповоротливый, неуклюжий, толстый человек’, блр. диал. *тоўба* ‘неповоротливый, толстый человек’ [Козлова 1998: 101: к и.-е. *tel- ‘нечто круглое, выпуклое’; ЕСУМ 2006, 5: 586, 589: с констатацией «не совсем ясное» и рядом сопоставлений, среди которых и укр. *товнѣга*]; *тыл-m-, предполагаемое в блр. полесск. *тыльма* ‘надкопытный сустав у коня’, *тоўмуга* ‘безрогая корова’, ‘неаккуратный человек’ [Козлова 1998: 101, 104]². Что касается дальнейших генетических связей слав. *telp-/*тылр-, то весьма вероятным представляется предлагаемое В. Н. Топоровым сопоставление рус. *телепень* с лув. *talurpi* ‘ком’, ‘глыба’ [Топоров 1975: 32].

В фонетико-типологическом отношении этимон, лежащий в основе указанной лексической семьи, примыкает к группе и.-е. корней со структурой «смычный согласный + гласный + плавный l», от которых часто образовывались названия предметов выпуклой, округлой формы. Ср. аналогичные структурно-фонетические характеристики псл. *къл-, так же как и *тыл-, засвидетельствованного в составе детерминативно усложненных основ: *кълъ > укр. диал. *ковб* ‘свиной желудок’, блр. диал. *коўб* ‘узел из волос, затянутых на затылке’, ‘желудок у скотины’, *коўп* ‘то же’, (произв.) *кълбаты > блр. диал. *каўба ты* ‘пузатый’; *кълма/*кълмо > укр. *ковмо* ‘вязанка конопли и льна’ и произв. (см. выше; [ЭССЯ 13: 181, 182, 188, 189]).

Далее наше внимание будет сосредоточено на вариантной к *тылр- основе *telp- (приводимое в [ЕСУМ 5: 539] пол. диал. *telepac* ‘трясти; шататься’, ‘блуждать’, ‘шляться’, ‘лезть’, ‘медленно идти’ не опровергает

¹ Возможно, сюда же рус. яросл. иван. *теленѣга* ‘о толстом, неповоротливом, неуклюжем человеке’, нижегор. ‘о толстой, дородной женщине’ [СРНГ 44: 6]. Не исключено, что *-елѣтут* — результат изменения *-ол-* (сохранено в рус. *толнѣга*, укр. *товнѣга*) под влиянием *телепаться*, *телепень*.

² К типологии развития семем ‘выпуклость’, ‘безрогий’, ‘неаккуратный’ в генетически тождественных формах ср. рус. диал. *колнѣга* ‘большой засохший ком земли’ и *калмѣтый* ‘безрогий’, блр. *калматы* ‘косматый, лохматый’, образованные от псл. *кълма/*кълмо [ЭССЯ 13: 181, 182, 188, 189].

такую реконструкцию, т. к. является поздним ареальным заимствованием из вост.-слав.). Именно к ней восходят перечисленные выше вост.-слав. лексемы, чей древний возраст впервые был косвенно признан А. А. Шахматовым, рассматривавшим их (без укр.), правда, как результат фонетического развития первоначальных форм с сочетаниями $a\bar{1}$ (> *еля* в рус. диал. *теляпень* ‘грузный, толстый человек’), $a\bar{1}$ (> *еле* в рус. диал. *телепень* ‘дородный ребенок’), $a\bar{1}$ (> *тельпе* ‘нь’ ‘то же’) в корне, где *a* — особый редуцированный звук, отличный от *ъ* и *ь* по месту образования и количеству [Шахматов 1902: 331–332, 358]. Констатация древности производящей основы, хоть и с признанием краткости ее вокализма, фактически отличается от толкования этих же форм в современных этимологических словарях, где говорится только об их звукоподражательном происхождении без акцента на их хронологию.

Морфология рус. диал. *телепень* (р. п. – *телепня*), *тэлепень*, блр. диал. *цэлепень*, укр. *тэлепень*, а также рус. диал. *отелёпыш* ‘толстяк, увалень’ и *телепёга* ‘довольно толстая, здоровая женщина’ позволяет выделить в них суффы. *-ен-*, *-ыш-*, *-ег-*, присоединенные к основе, которая в «чистом» (бессуффиксном) виде не встречается, что также свидетельствует в пользу их архаики. Если же в качестве производящей предположить основу, представленную в рус. диал. новг. *телёпа*, *телёпа* ‘о вялом, нерасторопном, неуклюжем человеке’ [СРНГ 43: 342, 347, 349] или *за-телёпа* ‘вялый, нерасторопный человек’, ‘крепыш, здоровяк’, *зателёпа* ‘толстый, неповоротливый ребенок’ [Шахматов 1903: 96–97; Шахматов 1902: 360; СРНГ 11: 86–87], то мы в очередной раз сталкиваемся с неоднозначностью семантики как свидетельства слияния двух разных лексических гнезд: нужно ли действительно видеть в ней результат развития ‘увалень, толстый человек’ (и далее – ‘вялый, неуклюжий’) ← ‘выпуклый, крупный предмет’ или же она вторична от ‘медлительный человек’ (→ ‘вялый, нерасторопный’) ¹ и далее – к *за-телепать*, о чем говорит наличие глагольной приставки *за-*? Правда, последнее обстоятельство также не имеет решающего значения, т. к. соответствующие непроизводные имена могли полу-

¹ Точно такой же случай двусмысленности семантического развития (отсюда этимологическая неоднозначность слова) представлен еще одной рус. лексемой с основой *телеп-*, а именно – перм. *телепй* ‘толстый, неповоротливый человек’, 1856 г. [СРНГ 44: 5]. В частности, знач. ‘толстый’ (→ ‘неповоротливый’) тут можно рассматривать и как реализацию в славянском сумми семантических признаков ‘круглый крупный предмет (обрубок дерева, толстый чурбан)’, восстанавливаемых для и.-е. **tel-*, и, наоборот, как эволюцию ‘неповоротливый’ ← ‘медленно идущий, «телепающийся»’, отмечаемых в производных от указанного выше экспрессивного, звукоподражательного глагола. Кажется, этот пример также может свидетельствовать о тесном переплетении двух словообразовательно-этимологических гнезд.

читать глагольную приставку под давлением аналогии омонимичных им префиксальных девербативов в условиях отождествления двух рядов разнокоренных образований (видимо, как раз такой случай представляет рус. диал. *зателёныш* ‘крепыш, здоровяк’, ‘толстяк’, ‘толстый ребёнок’ [СРНГ 11: 87]).

Итак, восстанавливаемые в качестве исходных для указанных выше форм псл. архетипы **telpenь*/**telrpenь* нужно относить к той немногочисленной группе слов, которые демонстрируют вост.-слав. отражение группофонемы *telt* не в виде ожидаемого «классического» *tolot*, как в *молоко* < **melko*, а в виде *telet*. Таким образом, **telpenь* продолжает ряд лексем, состоящий из **belbenь* (укр. диал. *бэлебень* ‘возвышенное и открытое место’, ‘открытая или опустошенная местность без построек и растительности’, *белибень* ‘незаросший голый бугор, пустошь’ [ЭССЯ 1: 184]), **čelnь*, **čelnькь* (рус. диал. *челено* ‘три ряда нижних бревен сруба’, ‘звено бревен в плоту’, *целено* ‘плот’, *челень* ‘известное количество паёв в поле’, укр. диал. *челенок*, *челенко* ‘в пальце: кость, сустав’ [ЭССЯ 4: 44–45]), **želsti*, **želdo* (рус. *желеду*, *желести* ‘платить, искупать вину’ при ст.-сл. *жлѣсти*, *жлѣдж* [Фасмер 1986: II, с. 42]), **želd-* (рус. диал. *ожелёдица* ‘гололедица, ледяной наст на снегу’, укр. *о́желёдъ*, *о́желёда* ‘гололедица, дождь со снежной крупой’ при пол. *źlód*, *źlódź* ‘гололедица, дождь с градом’ [Фасмер III: 124]), **tel-menь* (укр. *Телемень* — название притоков р. Ризни, Ирши, Тетерева и Днепра), сопоставляемое с др.-гр. *τέλμα* < **tel-mn* ‘стоячая вода, болото’ [Откупщиков 2005: 255: *Теле-мень*; по-другому см. Козлова 1998: 104: к этимону **tel-* ‘выпуклость’].

Причина такого «незакономерного» развития в восточнославянском слов с формулой *telt*, видимо, заключается в существовании древних ареальных вариантов произношения этой последовательности звуков. Это значит, что в некоторых позднепраславянских диалектах, что стали основой будущих древнерусских говоров, не было, как в других, лабиовеляризации плавного *l*, потому *telt* здесь изменилось в *telet*, а не *tolot* или *telot*¹. В эпоху миграций населения в границах восточнославянской территории носители идиомов, где *telt* дало *telet*, оказались в меньшинстве, и нормативное для них *telet* было вытеснено привычным

¹ Материал, подтверждающий возможность такого развития *telt*, обычно выпускается из виду, потому в учебной литературе господствует традиционная точка зрения (*telt* > *tolot/telot*), основанная на небольшом стандартном наборе примеров (преимущественно лексемы литературного языка), кочующих из одного пособия в другое. Ср. соответствующие разделы таких классических учебников по истории русского языка, как, напр.: [Якубинский 1953: 125; Черных 1962: 82–83] (с утверждением «достоверных примеров с *еле* из *ел* не имеется»). С. 82); [Иванов 1964: 153–154 и др.].

большинству *tolot/telot*. И только на периферии (она вообще является консервирующей средой для архаичных явлений) сохранились свидетельства древнего диалектного варьирования *telet: tolot/telot*.

Изменение в историческую эпоху огласовки рефлексов **telp-* (ср. блр. диал. *теляпень, тиляпень* ‘грузный, толстый человек’, *цяляпень* (р. п. *цяляння*) ‘неповоротливый, неловкий человек’, рус. диал. *зателляпа* ‘нерасторопный, вялый; неуклюжий человек; толстый неповоротливый ребенок; крепыш, здоровяк’ [Шахматов 1903: 95; Кавалёва 1960: 90], а также формы типа рус. диал. псков., осташ. *тельпёнь* ‘дородный ребенок’ [Шахматов 1902: 340]) обусловлено¹:

1) фонетическими процессами, протекавшими в вост.-слав. диалектах (напр., ослаблением *e* в безударной позиции и его выпадением, ср. еще рус. псков., осташк. *тельпёнь, тельпёш* ‘дородный ребенок’, *тюльпёнь* ‘толстый, неповоротливый человек’ [Шахматов 1902: 349, 350]);

2) дальнейшей контаминацией продолжений **telp-* и единиц словообразовательного гнезда таких экспрессивных глаголов (и производных от них имен), как рус. диал. *теляпнуть* ‘стащить, украсть’, *растелятило* ‘разнежило’, курс. *цялястать* ‘украсть’, черепов. *тюляшиить* ‘идти неповоротливо’, *тилипати* ‘очень скоро есть, уплетать молча’, укр. *тіліпати, тіліпати́ся* ‘болтаться’ [Шахматов 1902: 359, 362], блр. *цяляпаць* ‘болтать’, ‘мотать’, *цяляпацца* ‘болтаться’ и др. [приведены по: Топоров 1975: 12].

Подведем краткие итоги этимологическому комментарию этой вост.-слав. изолексы. 1. Существительные со знач. ‘увалень’, ‘толстый человек’ и глаголы с формально близкой основой (*телен-/телин-/цяляп-*) целесообразно рассматривать порознь как этимологически и хронологически разные единицы. 2. Фонетические и семантические схождения между единицами обоих лексических гнезд имеют вторичный характер и сложились относительно поздно. 3. Этимон **telp-* ‘ком, шар’, ‘округлость’, лежащий в основе *телен-* и др. имен, представляет собой консонантное лабиальное расширение корня на плавный сонант, аналогичное вариантным **тыlb-*, **тыlm-*. Фонетика его продолжений указывает на возможность развития формулы *telt* > *telet* в вост.-слав. ареале древнейшей эпохи.

2. Вост.-слав. глаголы с основой *селеп-* типа блр. диал. *селепіць, селепануць* ‘проворно черпать; хлебать, хлестать’, укр. диал. *селепі́тися* ‘пристать к кому-нибудь, привязаться’, *обселє́титися* ‘напиться

¹ Ср. аналогичное изменение *-еле-* в репрезентантах псл. **belbem*?/**belbelb*: укр. диал. *бѣлѣбень* ‘возвышенное и открытое место’ наряду с *бѣлѣбень* ‘незаросший, голый бугор, пустошь’ [ЭССЯ 1: 184].

ся у А. А. Шахматова даны как примеры развития *-еле-* из первоначального сочетания *al* (с долгим неслоговым плавным) [Шахматов 1903: 95, 96; в ЕСУМ 5: 209; укр. *selenítися* истолковано как «Неясное; очевидно, афективное образование»]. Эта изоглосса продолжается на территории русских говоров, ср. смол. *selenátься* ‘возиться в грязи’, *заселенúть* ‘зачерпнуть’ [СРНГ 11: 28; 37: 132].

Фонетически заманчивое сопоставление упомянутых ранее укр. и блр. форм с укр. *солоніти*, *вісолонити* ‘высовывать язык’, блр. *солуніць* ‘высунуть язык, лизнуть’, укр. *совп* ‘рыболовная сеть’, серб. *суп* ‘род рыболовной изгороди’ [Шахматов 1902: 360, 369] приходится оставить в стороне, поскольку сам А. А. Шахматов в более позднем исследовании предложил сравнение укр. *солонити* со ст.-сл. **вѣсла-пити**, **вѣслапяти** ‘отгонять, удерживать, укрощать’ [Шахматов 1915: 51]. В работах же современных авторов укр. *солоніти*, *вісолонити* и под. были убедительно истолкованы как рефлексы псл. **solpiti* с этимомом **solp-* ~ и.-е. **sel-* ‘двигаться’ [подробно см. Аникин 1988: 23–28, 89–90: с анализом различных точек зрения].

Разница в наборах значений лексем с основами *солон-* и *селен-* четко уловима (*солон-*: ‘высовывать язык’, сводимое к *‘выталкивать’; см.: [Аникин 1988: 25]; *селен-*: ‘хлебать’, ‘пить’, ‘черпать’, ‘возиться’¹, ‘привязаться’, ‘хлестать’) и вряд ли сводима к одной семантической основе, потому возникает сомнение в их родстве. Так, *селен-* может быть объяснено как экспрессивный глагол со структурой, вариантной к *сербать*, ср. рус. брян. *сербать*, *сёрбать* ‘есть (жидкое), черпая ложкой, хлебать’, смолен., краснояр. *сёрбать*, *сёрбать* ‘громко, шумно есть, пить, хлебать’ [СРНГ 37: 181].

Под вариантностью вост.-слав. *селен-*: *серб-* подразумевается результат отражения в них псл. **selp-*: **syrb-* как разновидностей одной и.-е. звуко-подражательной основы (об этой последней см., напр., ЕСУМ 5: 493: с литературой), ср. более полное сходство **selp-*: **serb-* (> слвн. *srébat*, чеш. *střebati* ‘сербать’ [ibid.]). Касательно чередования *l*: *r* в корнях-ономатопах укажем на отношения укр. диал. *ма́мляти* ‘вяло работать’, ‘медленно, неохото есть’ и *ма́мрати* ‘то же’ [ЕСУМ 3: 376–377].

К развитию значений ‘хлебать’, ‘пить’ (фигурально о жадно пьющем человеке — ‘черпать’) и ‘хлестать’ в одном слове ср. рефлексы псл. **xlapati* (чеш. диал. *chlapac* ‘пить, лакать (о скотине)’, ‘хлес-

¹ Связь значений ‘хлебать’, ‘пить’ и ‘высовывать язык’ как возможное связующее звено между двумя сериями слов (если считать их однокоренными) слишком ненадежна (неясно, действительно ли речь идет о животном, которое пьет, используя язык) и сама по себе не объясняет природы других семем в вост.-сл. *селен-*.

тать (о дожде)’, **xlestati*/**xlĕstati*/**xlostati* (слвц. *chl’astat’* ‘хлебать’, ‘много пить’, диал. *chlostat’* ‘хлестать’), **xlipati* (слвн. *hlipati* ‘хлебать’, ‘бить’) и др. [ЭССЯ 8: 24, 26, 34]. Ср. также зеркальную ситуацию ‘бить’ → ‘пить’, ‘хлебать’, отмеченную, напр., в просторечном употреблении рус. глаголов *хлестать* (водку), *трахнуть*, *дерябнуть*, *дербулызнуть*, *врезать*, *нарезать* и др.

Суммируем сказанное: рассмотренные глаголы продолжают псл. **selpati*, **selpiti*, чьи вост.-сл. рефлексы имеют ту же особенность, что и рефлексы описанных выше **telpen’*/**telrpen’*, а именно — эволюцию формы основы типа *telet*. Эти лексемы следует отличать от омонимичного **selpati*, отраженного, напр., в рус. *силпать* ‘высовывать язык, пить’ и ст.-сл. *слѣпати* ‘течь’ [Аникин 1988: 27], где рус. пример (из **селепать*) также демонстрирует *telet*. О возможном смешении единиц двух лексических семей в рус. диал. речи свидетельствует семантика ‘высовывать язык’ и ‘пить’ в рус. *силпать*.

Литература

Аникин А. Е. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Новосибирск, 1988.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1964.

Илиади А. И. Об одной группе соматической лексики в связи с вопросами славянской именной суффиксации // *Folia onomastica Croatica*. Zagreb, 2001. Knj. 10. С. 83–94.

Илиади А. И. Основы славянской этимологии. К., 2005.

Кавалёва Е. 3 лексікі вёсак Абідавічы і Журавічы // *Матэрыялы для слоўніка народна-дзялячэчнай мовы*. Мінск, 1960. С. 83–91.

Козлова Р. М. До етнолінгвістичної інтерпретації деяких гідронімів басейну Дніпра // *Ономастика України та етногенез східних слов’ян*. К., 1998. С. 93–105.

Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. 2-е изд. СПб.–М., 2005.

Реєстр Війська Запорозького 1649 року: Транслітерація тексту / [підгот.: О. В. Тодійчук (гол.упоряд.) та ін.; передмова Ф. П. Шевченка]. К., 1995.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–45. М.–Л./СПб., 1965–2013.

Топоров В. Н. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями // *Славянское и балканское языковедение. Проблемы интерференции и языковых контактов*. М., 1975. С. 3–49.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. 3-е изд. М., 1962.

Шахматов А. А. К истории звуков русского языка // Известия ОРЯС. Т. VII. Кн. 2. СПб., 1902. С. 304–382.

Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11. Пг., 1915.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева. Вып. 1–38. М., 1974–2012.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: У 7 т. / [гол. ред. О. С. Мельничук]. К., 1982–2012. Т. 1–6.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка / [с предисл. и под ред. акад. В. В. Виноградова; прим. проф. П. С. Кузнецова]. М., 1953.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: ČSAV, 1957.